

Пожар на трикотажной фабрике

Ещё в середине 90-х годов Академия Федеральной службы контрразведки, издавая известный сборник документов «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне», поместила во второй книге первого тома фрагмент отчётного доклада управления НКВД по Новосибирской области за 1940 год. Там в контексте шпионско-диверсионной работы японской разведки упоминался пожар на строившемся здании новосибирской трикотажной фабрики: «В отдельных местах японские разведчики проводят активную диверсию в настоящее время. Так, например, контрразведчик японского агента атамана Семёнова Паршин... организовал 30 мая 1940 г. поджог строящейся бумагопрядильной фабрики Трикотажстроя в г. Новосибирске... Японская разведка развивает большую активность по созданию разветвлённых повстанческо-диверсионных формирований из кулацкого, белогвардейского и прочего антисоветского элемента для активной вооружённой борьбы с Советской властью в момент военной интервенции»

С точки зрения Академии ФСК, сведения новосибирских энкаведёшников заслуживали полного доверия. Но как раз к моменту сдачи тома в производство (апрель 1995-го) новосибирская областная прокуратура реабилитировала всех четверых осуждённых к расстрелу по делу о мифическом поджоге. Это произошло 29 ноября 1994 года. Но версия о поджоге бумагопрядильной фабрики успешно продолжала жить и дальше. Когда в 1997 году вышел юбилейный сборник, посвящённый Новосибирскому облуправлению ФСБ «Призвание — Родине служить», то в нём ничтоже сумняшеся перепечатали старинную повесть, в которой живописались подвиги чекистов начала 40-х годов, в том числе и по расследованию мифического поджога...

Пожар на «Трикотажстрое» 30 мая 1940 года был крупным, убытки — впечатляющими (716 тысяч рублей). Пожар заметили в 13 часов 35 минут, через десять минут прибыли пожарные; три их команды справились с огнём только к четверти десятого вечера. Сгоревший корпус восстанавливали три месяца. Чекисты бросились искать виновных. Они исходили из того, что был, само собой, произведён поджог, и подозрительных лиц следует искать среди охранников, тем более что среди них были очевидные антисоветчики. Остальное стало делом техники. Мало кто выдерживал многодневные конвейерные допросы. А раскручивали дело молодые, но уже набившие (в прямом смысле!) руку следователи, на которых пробы было ставить негде. Контрразведчики не подкачали и с помощью спецов из следственного отдела за полгода довели до военного трибунала СибВО четвёрку «поджигателей».

40-летний охранник бумагопрядильной фабрики Ерофей Евсеевич Морковин был арестован 31 мая 1940 года, его коллега 39-летний Иван Иванович Черёмин — 2 июня. Третьего охранника стройки (и бывшего стрелка Сиблага) 38-летнего Ивана Кондратьевича Шахматова взяли 3 июня. На них у чекистов давно уже был подобран компромат. Так, один из сексотов сообщил, что 2 декабря 1939 года И. Черёмин в присутствии охранников говорил, что «при смерти ЛЕНИН СТАЛИНУ наказывал, чтобы СТАЛИН рабочим вволю хлеба не давал, мясо не показывал, чтобы хлеб сортировал, а отходы рабочим давал». И. Шахматов рассказывал сослуживцам не менее крамольные вещи: «Ленин ходил в ботинках потому, что он обходил лужи, а Сталин (в сапогах) идёт прямо по лужам — не разбирается». Задал загадку: отчего-де Сталин стоит лицом к народу? Потому что боится повернуться задом. А как-то, наставив на свидетеля Кочергина ружьё, крикнул лозунг в рифму: «Ура, спасай народ, на Сталина — вперёд!»

Шахматова сломали первым: охранник сначала отрицал всё, включая агитацию против властей, но 10 июля его заставили дать показания о том, что он — поджигатель. И выбрали показания на одного из знакомых — 52-летнего сторожа Облжилснаба Сергея Тимофеевича Паршина, которого в итоге и назначили на роль лидера диверсионной группы. Постановление на его арест датировано 19 августа. Якобы Шахматов получил от Паршина, заказавшего поджечь фабрику, полторы тысячи рублей, и нашёл сообщника — Черёмина. С. Паршин, помимо работы сторожем, ещё подрабатывал перепродажей разного старья на барахолке и играл на бегах. Его прошлое, по мнению чекистов, было идеальным для организатора крупной диверсии. Паршина записали в агенты контрразведки атамана Г. Семёнова, бесчинствовавшего в Забайкалье в гражданскую войну, а былая судимость по 58-й статье превращала его в матерого антисоветчика-рецидивиста. Ещё в феврале 1931 года особая тройка полпредства ОГПУ по Дальневосточному краю осудила Паршина за вредительство на 5 лет концлагерей — читинские чекисты соорудили тогда антисоветскую группу из примерно 25 человек, обвинили во вредительской деятельности и осудили. Паршин то ли торговал ворованными продуктами на рынке, то ли был только знаком с расхитителями — без обращения к его делу 1931 года точно сказать невозможно. Он был направлен в Сиблаг и в мариинских лагерях находился до 1935 года.

Отсидев четыре года и три месяца, Паршин освобождён, перебрался в Новосибирск, устроился на работу и потихоньку начал копить на собственное жильё. Вряд ли он и его жена подозревали о том, что все выходцы с Дальнего Востока находятся под наблюдением НКВД как потенциальные японские шпионы. Когда его арестовали, то при обыске обнаружили довольно крупную по тем временам сумму денег — новое свидетельство в пользу того, что Паршин — материально обеспеченный заказчик поджога. К радости следствия, у Паршина вдобавок нашли обложку тетради с вопиющей антисоветской агитацией в пользу давно расстрелянного первого наркома внутренних дел: «Товарищ Ягода мы с вами вперёд за свободу и жить на свободе счастливыми и зажиточными». Паршин пытался втолковать, что без всяких задних мыслей нацарапал этот лозунг ещё в концлагере, когда сталинского наркома Ягodu там ожидали с инспекцией. Но тетрадная обложка, случайно сохранившаяся из-за тогдашнего дефицита бумаги, стала важной уликой...

Схема с точки зрения чекистов была безупречной — семёновец Паршин, судившийся за вредительство, организует диверсионную группу из ярких антисоветчиков. Основным следователем был страшный человек — 27-летний Г. Т. Скрябин, пришедший в НКВД в 1937 году и активно фабриковавший в годы Большого террора дела на «польских шпионов». Мастер пыточного следствия, он рьяно взялся за новые жертвы и добился того, что все они признались. Как и в 37-м, следователи не составляли протоколов допросов, пока обвиняемый не сознается. Военный трибунал Сибирского военного округа заседал с 21 по 23 декабря 1940 года. Его судьи с полным доверием отнесли к сочинениям Георгия Скрябина, его начальника Бориса Панчурин и прочих следователей. И только старания чекистов приписать своим жертвам не только диверсию, но и намерение создать повстанческую группу не нашло должного отклика трибунальцев.

В трибунале арестованным предъявили обвинение в том, что в ночь на 29 мая 1940 года дежурившие в ночную смену Шахматов, Черёмин и Морковин облили олифой леса на третьем этаже корпуса бумагопрядильной фабрики. На следующий день Морковин спичкой эту олифу поджёт (отметим, что олифа — это не бензин, поджечь её одной спичкой совсем не просто). Сделано это было по указанию Паршина, подкупившего Шахматова, который дал Морковину 990 рублей из полученных полутора тысяч. Паршин, отрицая вину, не мог прямо говорить о пытках,

но стенограмма его показаний достаточно красноречива: «На предварительном следствии меня допрашивали и я ответы давал, но неправильные, делая сам на себя покушение. Свои показания я читал листов десять, но всех показаний не читал, а подписывал потому, что станешь что-либо говорить, отвечают — нельзя говорить. О том, что дал задание Шахматову, я показания давал, но в действительности не было ничего. (...) Очная ставка (с Шахматовым) была на 4-й день после ареста. До очной ставки я... говорил, что я не участвовал в поджоге, но этого протокола в деле нет. Мне сказали, что раз Шахматов показывает о том, что я ему давал деньги, значит, я должен протокол подписать. (...) На предварительном следствии мне было невозможно и я признавал себя виновным...

Изъято у меня было 9300 рублей. Эти деньги нажиты личным трудом, так как я покупал старые вещи, реставрировал их и продавал. От этой работы мне оставалось ежемесячно 150 — 200 рублей и таким образом я сэкономил 9300 рублей. (...) Допрашивал меня следователь, а иногда нач. следчасти Панчурин... показывать приходилось, так как не было никакой возможности. (...) Когда не стало возможности говорить правду, пришлось на предварительном следствии отказаться от своих собственных денег и заявить, что деньги я получил от Петрова, которого совсем не было, но пришлось выдумать». Деньги Паршин копил на собственную избушку, пряча ассигнации под крышкой стола и в утюге. С Шахматовым он встречался изредка на бегах — вот и вся связь.

Не все свидетели дали показания, необходимые НКВД. Кто-то топил арестованных, кто-то — защищал. Завскладом Облжилснаба А. Г. Рыбалов сообщил об антисоветских высказываниях сторожа Паршина, который говорил: «Сибирь настолько богата хлебом, что можно прокормить несколько стран, а хлеб дают такой, который свиньи не будут есть... весь хлеб отправляют в Германию и что скоро будут давать по 200 грамм на человека». Запомнил Рыбалов и насмешку сторожа над очередным принудительным займом, который как-то бросил заведующему складом: «Почему вы не подписываетесь? Я и то дал милостыню государству».

Зато работники сантехмонтажа фактически свидетельствовали в пользу арестованных, утверждая, что воды для тушения на месте не было из-за того, что в день пожара чкаловский авиазавод, питавший стройку, отключил водопровод. В конце 1939-го третий этаж уже горел — от искр из печной трубы занялись деревянные конструкции. Небольшой пожар тогда легко потушили, но выводов не сделали. Электропроводка была летучей, а третий этаж оказался завален щепками. Никакого противопожарного инвентаря не было, а руководство стройки на замечания контролёров никак не реагировало. Версия следователей о том, что в день пожара никто не заметил огромного тёмного пятна пролитой олифы, выглядела полной чушью. Прораб стройучастка П. В. Щепеткин свидетельствовал: «Если разлить 4 ведра олифы в щепе и опалубке и не смотреть, через полсутки всё равно было бы заметно, но я лично на 3-м этаже этого не замечал».

Адвокат Мальцев счёл, что преступление Черёмина доказано, а вина Паршина — нет, ибо на него есть только показания Шахматова, а этого недостаточно. Сам Паршин в последнем слове заявил: «Я считаю, что за 2000 рублей можно купить только ребёнка... В контрразведке я не работал...» Шахматов заявил судьям: «Я не помню, чтобы говорил — давайте сделаем восстание, а я буду главарём».

Суд не интересовался ни мнением адвоката, ни показаниями свидетелей об отсутствии какой-либо противопожарной системы на стройке, ни мифическим Петровым — якобы главным заказчиком поджога. После трёхчасового совещания трибунал определил максимально жестокий

приговор всем обвиняемым. Не нашла повода для вмешательства и военная коллегия Верховного Суда, 17 января 1941 года утвердившая расстрельный приговор. После того как прошение о помиловании 30 января отклонил Президиум Верховного Совета СССР, с приведением приговора в исполнение в Новосибирске не замедлили. Уже 4 февраля работники комендатуры УНКВД осуждённых расстреляли.

Так чекисты расправились с ещё одной «диверсионной» группой. А в 1948 году в УМГБ дело «поджигателей» использовали для учебных целей, выдав «для занятий» одному из оперработников... Да и в ранние горбачёвские времена материал не пропал — кагебешники дали его доверенному журналисту, чтобы тот сделал материал о проницательности органов в сложное предвоенное время. И только в середине 90-х прокуроры определили, что беспощадный приговор основывался исключительно на показаниях осуждённых, а свидетельские показания касались только личностей жертв закрытого процесса и никаких доказательств версии поджога в деле нет совершенно...

Скажем несколько слов о тех, кто сфабриковал это дело. Начальник следственной части управления НКВД Б. В. Панчурин, бывший одним из главных тогдашних фальсификаторов, весной 1941 года оказался под следствием за применение пыток и фабрикацию дел. Защищаясь от обвинений, он в апреле 1941 года решительно заявил коллегам на партсобрании: «В каком из советских законов сказано, что с контрреволюцией бороться до часу ночи, а не до трёх? Нет таких законов». 13 мая 1941 года за «извращение в методах ведения следствия» Бориса Панчурина арестовали на 30 суток с последующим увольнением — с санкции заместителя наркома госбезопасности СССР Ивана Серова — из НКГБ. Но по условиям того времени изгнанные чекисты-фальсификаторы нередко быстро возвращались в систему. Не стал исключением и заплечных дел мастер Панчурин, которого выручила война. Согласно характеристике замначальника особого отдела СибВО М. М. Портнягина от 27 марта 1942 года, Панчурин, возвращённый в НКВД на рядовую особистскую работу, «своим честным отношением к оперативной и следственной работе искупил ранее допущенные ошибки. (...) В следствии напорист, принципиален... работает, не считаясь со временем. Физически здоров». Уже в конце 1941 года Панчурин дорос до поста замначальника следственной части особого отдела ГУГБ НКВД СибВО в Новосибирске. В июне 1943 года он покинул Сибирь и стал заместителем начальника отдела управления военной контрразведки «Смерш» 4-го Украинского фронта. С мая 1945-го Панчурин работал замначальника «Смерша» 38-й армии, а с сентября 1946 по август 1953 года находился в заграникомандировке в Германии. Затем Панчурин был выведен в резерв МВД. С марта 1954 года работал замначальника пересыльной тюрьмы УМВД по Саратовской области, вышел в отставку в звании полковника и с четырьмя орденами. Умер в 1969 году.

Георгий Скрыбин тоже долго трудился в системе НКВД-МГБ, дослужился до подполковника, а в 1956 году работал старшим инспектором отдела кадров на новосибирском военном заводе «почтовый ящик №64» (одновременно был ещё и парторгом завода). В те годы его часто допрашивали по фактам участия в терроре, выяснив немало подробностей преступной деятельности этого пенсионера КГБ, но срок давности уберёт Скрыбина от какого-либо наказания.

Тепляков А. Г. Пожар на трикотажной фабрике // Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Вып. 1. — Новосибирск: ИД «Сова», 2005. С. 405–408.

<http://rusk.ru/st.php?idar=57914>